Андрей РАСТОРГУЕВ

«Я С ТОБОЙ – ПОНЕВОЛЕ – ЖИВЕЕ ЖИВЫХ…»

Погружаясь в жизнь современной Москвы,
поэт Елена Новожилова сохраняет опору на традицию

Новожилова Е. Школа искусств. – М.: Водолей Publishers, 2007.

Бог весть, какими дорогами ходят нынче по стране поэтические книжки. Вот, к примеру, сборник стихов Елены Новожиловой «Школа искусств» – издан в Москве тиражом всего в 350 экземпляров, а залетел же каким-то образом ко мне на стол…

Слукавил самую чуточку. Если не считать Интернета и журнальных публикаций, и то лишь отчасти, нынешняя поэзия и вправду стала сродни переписке первых христиан-подпольщиков или большевистским листовкам: прочитал – передай товарищу. С этим же сборником всё понятно: автор, как следует из краткой справки, живёт в Москве лишь с 2000 года, а родилась в Челябинске, для меня тоже отнюдь не чужом. Оттуда по эстафете и пришла ко мне тонкая книжка – вторая в литературной биографии по годам уже относительно зрелого автора.

Впрочем, если продолжать педантично копаться в сообщаемых безо всякого жеманства, но и вызова тоже деталях, тридцать стукнуло лирической героине Елены, а сама она на год помладше. Однако уже пробует губами и языком словечко «юбилей»: *«Тридцать лет… Над этим многоточьем// умолкает всякий соловей.// Так заведено ведь: дни короче,// ласки реже, слёзы солоней…»*.

Желание заглянуть вперед, проверить ногою крепость предстоящего льда совершенно естественно. Тем более что это стихотворение открывает раздел с многозначным названием «New Age» – новая эра то бишь. И как человек, принадлежащий этой эре, Елена совершенно спокойно включает в свои стихи и подобные англицизмы, и обиходный жаргон, и разговорные аббревиатуры, и сленг того же Интернета.

Впрочем, вся эта «ньюэйджевость» вполне сочетается с опорой на традицию, причем практически манифестируемой:

Когда-нибудь дадут мне Нобеля,
и комитет стокгольмский иль женевский
задаст вопрос: а кто учителя?
Отвечу гордо:
Пушкин,
Достоевский.

Сластолюбивый карла с бородой
И Нелли, возлюбившая Азора,
И Мышкин, эпилептик молодой.
Когда б вы знали, из какого сора…

Последняя строчка, благодаря контексту почти постмодернистски переозвучивающая известную цитату, предстаёт не только упоминанием Ахматовой в ряду предтеч, но и сигналом, что предусмотрительно посылается тем же современникам – мол, спокойно, ребята, я своя. Типа так, на всякий случай, чтобы и по своей епархии по-прежнему числили. Тем более что поэт отнюдь не стесняется и сочетания в своем культурном базисе впитанной в Литинституте классики с мексиканским телевизионным «мылом» и Толкиеном. Это – из неизбывного наследного челябинского «городского наива», где «*дворик тенистый, берёза да ива// голуби просят печенья и хлеба// кошка учёная ходит налево…// в форточку дым папиросок отцовских// запах котлет и тушёной капусты…*».

Именно здесь стояла детская школа искусств, высокопарное звание которой поэт опровергает одной мимолётной ремаркой – «как будто их там было много» – и тут же добивает столь же ироничным именованием образцового гипсового Аполлона: «какой безупречный покойник». Но это вдогонку. Перед возвратившимся из долгого путешествия Одиссеем – лишь остатки корчуемого сквера: «*…В гипсовой крошке земля. Начинается новая эра…*»

В этой эре у неё новый дом и новая школа – Москва. Дом, правда, съёмный, временный. И слезам столица, конечно, по-прежнему не верит:

Благословенны московиты,
нас приютившие на час
и всех кто плыл здесь кроме нас:

бесчувственны, но мозговиты.
Монетки потные считать
и к ночи вымыть руки мылом,
и только лишь во сне мечтать
о вечном в городе унылом…

А потому и школа, похоже, искусств не только возвышенных, но и боевых: «*Здесь меня убивали, но леший пронёс.// Здесь за хлеб приходилось мне драться…*». И исход поединка оптимизма не вызывает: «*Велико наше царство, и мне выбирать,// под которым забором к утру околею…*».

Из такой столицы ярче видится мелководное южноуральское озеро Чебакуль и юная пара влюблённых, пережидающая на берегу, пока мимоезжий мотоциклист вытолкает из соседней дюны свой забуксовавший транспорт: «*…а мы лежали тихо-тихо,// и обгорали безнадёжно –// твоя спина, моё лицо… //а ночью, пьяные, купались,// ложась на воду, чуя землю:// нам было море по колено,// нам было восемнадцать лет…*».

А Челябинск по возвращении снова оказывается городом, который «*тщится в высший свет,// не отделясь от тьмы,// и гонит глянец на патрет,// но – скифы, скифы мы…*». И поэт убеждает себя отыскать «*…слова/ именовать сии места,// пускай вчерне пока,// ведь хоть и нет на них креста,// а ноша нелегка…*». Но снова садится в поезд, и вскоре:

Многолюдный перрон, турникет и вокзал –
словно бы каждый раз возвращенье к азам…
Милый город, промокший от слез дождевых!
Я с тобой – поневоле – живее живых…
Принимай!
Я скучала. Чертовски.

Такое вот состояние, свойственное не только провинциалу, который отучился в столице и сумел остаться в ней, и не только стихотворцу, который по роду своей души периодически зависает между небом и землёй, но и опять же многим из современников, неволею сердца или кармана ведущим ныне полукочевую жизнь. Родные стены сковывают только тех, кто не способен из них вырваться. Тому же, кто стремится к движению и новым пространствам, эти стены помогают даже тогда, когда возвратиться к ним уже вряд ли возможно.

2008 г.